

О РОЛИ ГИПОТЕЗЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

П. Ф. Лаптин

Советские философы в последние годы много занимались изучением теории научной гипотезы¹. Однако до сих пор основное внимание уделялось естественным наукам, что же касается роли гипотезы в исторической науке, то эта проблема специально почти не рассматривалась². Разумеется, отдельные общетеоретические положения, сформулированные философами, применимы и к исторической науке, но специфика последней предполагает особый подход к проблеме. Вопрос о гипотезе в исторической науке еще ждет своего исследователя. Автор ограничивает свою задачу постановкой вопроса, формулированием некоторых предварительных положений с целью привлечь внимание советских историков к этой важной проблеме.

Ф. Энгельс называл гипотезу «формой развития естествознания, поскольку оно мыслит». Он отмечал: «Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов *в чистом виде* для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»³. Он подчеркивал сложность пути к познанию природы и общества. «Количество и смена вытесняющих друг друга гипотез, при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, легко вызывают у них представление о том, будто мы не способны познать *сущность* вещей... Это свойственно не одному только естествознанию, так как все человеческое познание развивается по очень запутанной кривой, и теории вытесняют друг друга также и в исторических дисциплинах, включая философию...»⁴. Исключительная сложность процесса научного познания определяет значимость правильного понимания функций научной гипотезы. Исследователь, недооценивающий гипотетический этап познания, не только усложняет свой труд, бесплодно затрачивая силы и время, но и лишает себя перспективы, а нередко вообще отрезает себе путь к познанию истины. Научные открытия в подобных случаях могут быть сделаны только случайно. Еще М. В. Ломоносов писал, что гипотезы «представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин»⁵.

¹ См. П. Копнин. Гипотеза и познание действительности. Киев. 1962; его же. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М. 1969; Л. Б. Баженков. Основные вопросы теории гипотезы. М. 1961; Е. Жариков. Научный поиск. Киев. 1967; Г. А. Подкорытов. Исследование теории гипотезы. «Вопросы философии», 1964, № 2; Е. А. Режабек. Некоторые вопросы теории гипотезы. Ростов-на-Дону. 1968.

² Применительно к общественным наукам такую попытку сделал А. А. Старченко. См. А. А. Старченко. Гипотеза. Судебная версия. М. 1962. Однако выводы обобщения автора имеют специфический судебно-правовой характер.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 555.

⁴ Там же.

⁵ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 3. М. 1952, стр. 231.

В каждой науке гипотеза имеет свои особенности, связанные со спецификой данной области знаний. Следует поэтому прежде всего уяснить особенности исторической науки, ее отличие от наук естественных и, вскрыв особенности «исторической гипотезы», лишь на этой основе приступить к разработке ее теории.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», характеризуя различные науки, говорил об исторической группе наук, «изучающей, в их исторической преемственности и современном состоянии, условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д.»⁶. В отличие от естествоиспытателя историк не в состоянии экспериментально воссоздать историческое событие. Уже в силу этого он, восстанавливая прошлое, не может не конструировать гипотезы. Однако, фактически пользуясь ими, исследователь нередко делает это неосознанно, по интуиции.

Характеризуя исторические науки, Ф. Энгельс обращал внимание прежде всего на специфичность объекта исследований, каким является человеческое общество в своем развитии. Обществу в отличие от природы свойственна исключительная вариативность явлений. «В органической природе,— писал Ф. Энгельс,— мы все же имеем дело, по крайней мере, с последовательным рядом таких процессов, которые, если иметь в виду область нашего непосредственного наблюдения, в очень широких пределах повторяются довольно правильно. Виды организмов остались со времен Аристотеля в общем и целом теми же самыми. Напротив, в истории общества, как только мы выходим за пределы первобытного состояния человечества, так называемого каменного века, повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повторения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах. Таков, например, факт существования первобытной общей собственности на землю у всех культурных народов, такова и форма ее разложения»⁷. Ф. Энгельс здесь подчеркивает исключительную сложность процесса исторического познания, в ходе которого приходится иметь дело с исключительным многообразием фактов и явлений, находящихся в постоянном развитии. В каждом конкретном историческом явлении всегда совмещается индивидуальное и всеобщее, общен историческое и специфическое. «Чистого», «эталонного» общен исторического явления не бывает. Диалектическое единство единичного и всеобщего в конкретных явлениях жизни общества установить сложно. Но именно здесь на помощь исследователю приходит научная гипотеза, которую историк конструирует, опираясь на уже установленные марксистом законы об общих закономерностях развития человеческого общества. Классовая природа рабовладельческого общества всеобща, универсальна, но конкретные формы рабовладельческих отношений в различных регионах мира, у разных народов исключительно многообразны. Известны общен исторические и универсальные черты феодализма, и в то же время феодализм английский отличен от феодализма французского, испанский — от итальянского, китайский — от индийского. Абсолютная монархия в большинстве европейских стран на определенном историческом этапе сыграла прогрессивную роль, однако испанский абсолютизм с самого начала был реакционным политическим институтом. Можно напомнить и о многообразии монархических форм государственного строя. Здесь и восточная деспотия, и античная монархия, и тирания в северных городах средневековой Италии, и буржуазная конституционная монархия и т. д.

Полемизируя с Дюрингом, Энгельс показывал, что «если в виде

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 90.

⁷ Там же.

исключения, иногда и удается познать внутреннюю связь общественных и политических форм существования того или иного исторического периода, то это, как правило, происходит тогда, когда эти формы уже наполовину пережили себя, когда они уже клонятся к упадку»⁸. На это же обстоятельство обращал внимание и К. Маркс, указывавший в «Капитале», что «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* [задним числом], т. е. исходит из готовых результатов процесса развития»⁹. Совершенно очевидно, что при ретроспективной реконструкции того или иного исторического процесса складывания определенных систем и форм общественной жизни историку приходится, опираясь на имеющиеся в его распоряжении данные о характере этих систем и форм, разрабатывать различные научные предположения (гипотезы) об истоках и путях их становления и развития.

К тому же исторический процесс изменчив и сложен в «вертикальном разрезе». Каждая общен историческая категория в процессе истории претерпевает сложную эволюцию, меняет форму, приобретает новые черты и преобразуется до такой степени, что подчас трудно обнаружить в конкретном явлении генетическую связь с его начальным прототипом. Средневековая феодальная община, например, настолько «оторвалась» от своего древнего «предка», что потребовался большой труд ученых, чтобы найти источник ее происхождения и выработать общинную теорию. И в то же время, как бы ни был интенсивен трансформационный процесс, которому подвергается тот или иной социальный институт, основная его сущность, коренная его природа сохраняется как основа эволюции. В противном случае исторический процесс фактически не поддавался бы познанию, а история общества перестала бы быть наукой и свелась бы к собиранию занимательных фактов.

Специфика предмета исторической науки в значительной степени связана с тем обстоятельством, что общество состоит из мыслящих индивидов, деятельность которых находится не в «слепой», «механической», «автоматической» зависимости от природы и закономерностей исторического развития. Люди сами творят свою историю, и уже поэтому исторический процесс никогда не представляет собой прямую линию. Лишь при умелом и внимательном исследовании мы обнаруживаем главные тенденции этого процесса. Напомним хотя бы, сколько зигзагов в исторический процесс вносят исторические личности, которые своей деятельностью могут его ускорить или замедлить, внести в него непредвиденные, случайные обстоятельства. Смерть французского короля Генриха IV Бурбона развязала смуту, которая на десять лет прервала линию укрепления абсолютизма. Мария Тюдор, став у власти, резко меняет всю политику английской монархии, а Елизавета вслед за ней восстанавливает былую деятельность тюдоровской династии. А как сложно отразилась в историческом процессе деятельность Наполеона, в которой причудливо совместились прогрессивные и реакционные начала, оказавшие соответственно сдерживающее и ускоряющее влияние на развитие Европы, к каким зловещим результатам привела деятельность Гитлера, составившая самую мрачную страницу в истории человечества.

Специфика исторической науки обусловлена, наконец, и характером контакта исследователя с предметом исследования. Этот контакт существенно отличается от естественных наук. Если физик, химик, биолог располагают естественными фактами, находятся с ними в прямом «материализованном» контакте, то историк имеет дело не непосредствен-

⁸ Там же.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 85.

но с историческим событием, а с историческим фактом, зафиксированным в источниках и воспринятым сквозь призму сознания автора этого источника. «В этом отношении исторический факт, как зафиксированное на основе источников событие прошлого, представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного, имеющего место как в самой исторической действительности, так и в отражающем ее историческом познании»¹⁰.

Эти особенности истории человеческого общества определяют исключительную сложность ее познания. Не случайно Ф. Энгельс, относя историю общества к наиболее трудной области исследования, отмечал, что здесь познание носит «по существу относительный характер, так как ограничивается выяснением связей и следствий известных общественных и государственных форм, существующих только в данное время и у данных народов и по самой природе своей преходящих»¹¹. Напомним, что Энгельс понятие относительности употребляет здесь в диалектическом плане, так как диалектический материализм «признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»¹². Само собой разумеется, что историк, лишенный возможности экспериментировать, может преодолеть эти трудности исторического познания только путем построения гипотез. Другого пути у него нет.

Наконец, необходимо учитывать, что историческая наука является такой формой общественного сознания, в которой идея партийности выражена особенно сильно. Мироззрение, общественно-политические идеалы, система духовных ценностей, обусловленная принадлежностью историка к классу, партии, нации, государству, культуре, эпохе, даже воспитание и личные склонности порождают определенные оценочные критерии, которыми историк руководствуется (сознательно или бессознательно) в исследовании прошлого человечества¹³. Поэтому гипотеза в исторической науке всегда связана с актуальными общественно-политическими потребностями общества, интересы которого выражает историк.

История исторической науки убедительно показывает, что наибольшее количество гипотез вызывается к жизни проблемами, наиболее актуальными для современности. Напомним, что многолетнее изучение русской общины, затрагивавшее интересы всех классов и политических сил России, прошло через целый лес гипотез. Здесь мы встречаем гипотетические положения славянофилов, либералов, народников, революционные положения, высказанные революционерами-демократами. Многие реалистические положения общинной теории были сформулированы в конце XIX — начале XX в. И. В. Лучицким, М. М. Ковалевским и П. Г. Виноградовым¹⁴. А сколько гипотез было создано в ходе много-

¹⁰ Г. М. Иванов. К вопросу о понятии «факт» в исторической науке. «Вопросы истории», 1969, № 2, стр. 79; см. также В. В. Косолапов. Факта та їх роль в історичному дослідженні. «Український історичний журнал», 1963, № 2, его же. Факты как основание научного знания. «Логика научного исследования». М. 1965; А. Ф. Килунов. Про природу історичного факту. «Український історичний журнал», 1965, № 8; В. А. Ядов. Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании. «Философские науки», 1966, № 5; В. М. Подосетник. Гносеологическое значение фактов в познании общественных явлений. «Теория познания и современная наука». М. 1967; М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник. «Вопросы истории», 1968, № 10; Л. С. Мерзон. К вопросу о гносеологической природе фактов науки. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 365. 1968.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 90.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 139.

¹³ А. Я. Гуревич. К вопросу об особенностях истории как науки. «Вопросы методологии исторической науки». Сборник статей. «Ученые записки» Московского историко-архивного института. Т. 25. 1967, стр. 187 — 188.

¹⁴ Подробно см.: С. М. Дубровский. Российская община в литературе XIX и начала XX в. Библиографический обзор. «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». Сборник статей. М. 1961; В. Е. Ил-

летней полемики по столь острому методологическому и актуально-политическому вопросу, как вопрос о генезисе капитализма, который продолжает и сейчас дискутироваться в советской историографии¹⁵.

Преыдущее рассуждение, таким образом, приводит нас к выводу, что конструирование исторической гипотезы весьма сложно. Историк нужно располагать большим аналитическим и синтетическим талантом, чтобы в сложном переплетении самых различных явлений и фактов обнаружить ту основную и определяющую тенденцию, которая должна быть воплощена в научной гипотезе, ориентированной на раскрытие существенных причинно-следственных связей, выражающих логику и закономерность исторического процесса.

Конструируя гипотезу, исследователь-историк учитывает определенную специфику методики конкретно-исторического исследования. Пользуясь простейшими общепринятыми приемами исторического исследования, он может создать отдельные рациональные частные гипотезы, касающиеся отдельных исторических фактов, локальных, единичных, однократных явлений. Однако раскрыть и понять законы, определяющие взаимосвязь исторических событий, понять главные и основные тенденции развития общества можно только на основе подлинно научной диалектико-материалистической методологии. Вот почему проблема гипотезы в исторической науке отнюдь не исчерпывается формально-логическим аспектом, техникой и методикой исследования группы фактов, а выступает как проблема методологическая.

На современном этапе развития исторической науки роль гипотезы заметно возросла. Это связано со многими обстоятельствами: и с расширившимися горизонтами и задачами исторической науки, и с возросшим вниманием к методологическим проблемам исторической науки, и с общим продвижением советской науки на методологическом участке. Seriously сказывается и влияние применения новых прогрессивных методов познания, получивших распространение в естественных науках и направленных в значительной мере на ликвидацию былой разобщенности между науками. Весьма показательны и вполне оправданны попытки найти стыки общественных и естественных наук, разработать новые методы исследования, поставить их на службу исторической науке¹⁶.

Гипотезы, во многом определяющие направление, ход и результаты научного поиска, всегда принадлежали к разряду наиболее острых орудий науки. Гипотеза является активно-творческим процессом отражения объективного мира. Ее рациональность и плодотворность определяются тем, в какой мере она опирается на уже достигнутые знания, насколько она соответствует возможностям и потребностям нового уровня науки. Если обратиться к естественным наукам, то для них в настоящее время характерны «парадоксальные» открытия, которым предшествуют не менее «парадоксальные» гипотезы. Многие области естественных наук находятся сейчас на таком уровне развития, когда становится ясным, что возможности старого этапа их развития полностью или в значительной степени себя исчерпали. Старые пути познания уже не отвечают новым

леридский. Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. XI. 1958; П. Ф. Лаптин. Проблемы общины в российской историографии перед реформой 1861 г. «Український історичний журнал», 1969, № 1.

¹⁵ К итогам дискуссии по проблеме генезиса раннекапиталистических отношений. Сборник «Средние века». Вып. VI. 1955; «Генезис капитализма». Сборник статей. М. 1958; В. М. Лавровский. Некоторые спорные вопросы первоначального накопления. «Вопросы истории», 1959, № 8; Дискуссии о переходе от феодализма к капитализму. Сборник «Средние века». Вып. XV. 1959; «Генезис капитализма в промышленности и в сельском хозяйстве. К 80-летию акад. Н. М. Дружинина». М. 1965, и др.

¹⁶ См. Б. М. Кедров. Маркс и единство наук — естественных и гуманитарных. «Вопросы философии», 1968, № 5, стр. 6; Ю. Кахк. Нужна ли новая историческая наука? «Вопросы истории», 1969, № 3.

потребностям развития науки. Возникает нужда в применении непривычных, необычных методов исследования, в конструировании, по выражению известного датского физика Н. Бора, «сумасшедших» гипотез, то есть гипотез необычных, парадоксальных своими идеями.

Естественно, что научно-техническая революция не может не влиять и на исторические науки. В историческом исследовании все более используются современные достижения естественных наук. Исследовательский процесс все более механизмуется. Применяются кибернетика, математический, спектральный и химико-технологический анализ, металлография, звуковая геолокация, реактивный, археомагнитный методы¹⁷. Все это расширяет горизонты исторических познаний, создает предпосылки для нового подъема исторической науки, изучения ранее не поддававшихся исследованию сторон жизни человеческого общества. Интенсивные научные поиски, естественно, сопровождаются интенсивными гипотетическими построениями. Не случайно мы являемся свидетелями возникновения интересных исторических гипотез, высказанных, в частности, на многочисленных дискуссиях по вопросам этногенеза, возникновения и эволюции докапиталистических обществ, развития феодализма, социальной структуры формирующегося феодального общества, переходной стадии развития от родоплеменного строя к раннефеодальному периоду¹⁸, генезиса капитализма, истории духовной культуры, развития стран, освободившихся от колониальной зависимости, и пр. Особенно много гипотез возникает по тем вопросам, которые советские историки ранее исследовали недостаточно (например, проблемы культуры, идеологии). В ходе этих дискуссий ломаются прежние догмы, разрушается прежняя авторитарность, отбрасываются ранее непререкаемые тезисы и положения (вроде тезиса о «революции рабов»). Естественно, что многие гипотезы получили плодотворное развитие в науке, а другие обнаружили свою несостоятельность. Например, в советской археологии 30—40-х годов весьма распространенной была гипотеза об имманентном происхождении земледельческой трипольской культуры IV—III тысячелетия до н. э.¹⁹ Однако после накопления нового материала и изучения, в частности, поселения раннего Триполья в с. Лука-Врублевская С. Н. Бибииков выдвинул более плодотворную гипотезу, согласно которой происхождение раннеземледельческой трипольской культуры связывается не только с имманентным развитием местного населения, но и с определенной ролью пришлого из-за Дуная балканского населения²⁰.

Конструируя новые гипотезы, историк-марксист не может не учитывать остроту идеологической борьбы между социализмом и капитализмом, не может не отдавать себе отчет в том, чьим интересам служит та

¹⁷ См. «Археология и естественные науки». Под ред. Б. А. Колчина. М. 1965; И. Д. Ковальченко. Применение электронных вычислительных машин в исторической науке. «Вопросы истории», 1964, № 5.

¹⁸ См. материалы научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе». Сборник «Средние века». Вып. 31. 1968; М. Н. Мейман, академик С. Д. Сказкин. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. «Вопросы истории», 1960, № 1; Ю. М. Гарушянц. Об азиатском способе производства. «Вопросы истории», 1966; № 2; В. Н. Никифоров. Логика дискуссии и логика в дискуссии. «Вопросы истории», 1968, № 2; Н. Б. Тер-Акопян. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. «Народы Азии и Африки», 1965, №№ 2,3; Ю. М. Семенов. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока. «Народы Азии и Африки», 1965, № 4.

¹⁹ В полной форме эта гипотеза представлена в работе: Г. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1943, № 10.

²⁰ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. «Материалы и исследования по археологии СССР». № 38. 1953; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М. 1955, стр. 106—107; «Нариси стародавньої історії Української РСР». Київ. 1957, стр. 54—57.

или иная гипотеза. Возросшая на современном этапе развития исторической науки роль гипотезы неизмеримо повышает политическую и научную ответственность ученого.

Опираясь на вышеизложенное, попытаемся теперь высказать некоторые соображения относительно специфики построения и критериев истинности исторической гипотезы. Как и вообще в науке, рациональность и плодотворность исторической гипотезы определяются прежде всего истинностью и значимостью основной ее идеи. Не будучи в состоянии выразить всю истину, гипотеза исходит из уже установленных истин, недостаточных, однако, для дальнейшего продвижения по пути познания. Можно, например, вспомнить, что в многочисленных гипотезах о возникновении феодального города, выдвинутых буржуазными историками минувшего столетия, присутствовали элементы истины. Однако в целом эти гипотезы оказались иррациональными, и отнюдь не из-за своей неполноты, а главным образом потому, что в качестве основных идей выступали не существенные, не коренные, а производные и внешние стороны этого исторического явления (эти гипотезы касались почти исключительно юридических институтов феодального города). Гипотезы же, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в ранние годы их деятельности, относительно генезиса феодального города на основе развития производительных сил общества и отделения ремесла от земледелия, именно потому и стали основой научной теории этого вопроса, что их главные идеи опирались на анализ явлений, характеризующих существо процесса.

Бесплодность социологических гипотез, созданных буржуазными социологами, пытавшимися со своих классовых позиций дать объяснение исторического процесса, в значительной степени связана с тем, что они оказались бессильными «отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективные критерия для такого разграничения»²¹. Гипертрофируя значение второстепенных, производных, а не решающих факторов исторического процесса, буржуазные социологи в извращенном виде трактуют развитие общества. Отсюда проистекает и все традиционные болезни буржуазной социологии: плюрализм, субъективный и объективный идеализм, антиисторизм, фатализм и т. д. и т. п. Отметим, что даже М. М. Ковалевский, проделавший огромную работу по исследованию истории общины, внесший большой вклад в разработку общинной теории, своей гиперболизацией значения второстепенных, неопределяющих сторон в жизни древней общины (религиозного культа, морально-психологических институтов) существенно снизил научную значимость своего труда. Буржуазные же историки, стоящие на открыто антимарксистских позициях, обычно сознательно прибегают к преувеличению несущественных явлений исторического процесса с целью поколебать соответствующие положения марксизма. В этом плане вспомним хотя бы, что антиисторическая концепция А. Допша об «аграрном капитализме» во Франкском государстве как раз и построена была на преувеличении роли обмена, находившегося в раннее средневековье лишь в эмбриональном состоянии²².

Выделив производственные отношения как основу всей социальной структуры общества и связав эти отношения с уровнем и характером производительных сил, К. Маркс дал «твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом» и тем самым создал возможность научной социологии. Высказав это положение как гипотезу в 40-х годах XIX в., К. Маркс исследовал

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. I, стр. 137.

²² См. А. И. Данилов. К критике допшианской концепции раннесредневековой вотчины. Сборник «Средние века». Вып. IX. 1957.

довал на ее базе систему товарного хозяйства. В. И. Ленин подчеркивал, что в своем исследовании К. Маркс «на основании гигантской массы данных... дает подробнейший анализ законов функционирования этой (капиталистической.— П. Л.) формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации». И далее В. И. Ленин подчеркивал: «Теперь— со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...»²³. Так величайшее завоевание научной мысли, материалистическое понимание истории, подтвержденное всем ходом развития общества, стало подлинно научной теорией.

Рассмотрение некоторых примеров построения исторических гипотез показывает, что историку из-за отсутствия прямых данных нередко приходится конструировать гипотезу по принципу исторической аналогии. В ряде случаев он прибегает к методу исключений. Типичным примером может быть гипотеза проф. А. И. Неусыхина о двуполье у салических франков. В Салической правде ничего не говорится о двупольной системе, однако предшествующая ей более ранняя система землевладения «совершенно несовместима с тем строем земледельческой общины... который рисуется на основании всей совокупности данных этого памятника... С другой стороны, полное отсутствие упоминаний о правильном чередовании пара, озими и яра в Салической правде заставляет нас отнестись осторожно к возможности наличия трехполья у салических франков и принять гипотезу,— заключает ученый,— о наличии у них двухполья, тем более, что оно было распространено в эту эпоху как раз в бассейне Мозеля и Рейна, то есть там, где частично могли быть расположены и франкские поселения»²⁴. К методу исторической аналогии прибегает, например, акад. С. Д. Сказкин. Одной из причин крестьянских восстаний в Западной Европе XIII—XV вв. было увеличение феодальной ренты, вызванное также и тем, что выкупная сумма, которую должен был платить крестьянин за освобождение от личной зависимости, записывалась как долг крестьянина сеньору, а проценты по этому долгу прибавлялись к феодальной ренте. Однако такие факты известны лишь во Франции и Италии. Но поскольку сдвиги в жизни крестьян были связаны со всем комплексом изменений, которые переживало феодальное общество этого периода, причем «одно из этих изменений с необходимостью вытекает из другого», то «констатация одного или нескольких из них в историческом развитии той или другой страны заставляет предполагать с большой степенью вероятности наличие остальных». Подобные гипотезы, заключает ученый, плодотворны, так как «они направляют поиски следующих исследователей, вне зависимости от того, будут ли они решены положительно или от них придется окончательно отказаться»²⁵.

Следует думать, что данный метод гипотетических построений наиболее применим в исторической науке. В силу специфики историче-

²³ Там же, стр. 138—140.

²⁴ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М. 1956, стр. 103.

²⁵ С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1968, стр. 214—215.

ского исследования приходится гипотетически предполагать, что познанное в одном регионе или местности явление может наличествовать в другой местности, стране, области.

Плодотворность исторической гипотезы во многом определяется качеством ее фактологической основы. «В любой научной области — как в области природы, так и в области истории, — писал Энгельс, — надо исходить из данных нам фактов»²⁶. Но именно здесь историк находится в наиболее затруднительном положении. Будучи лишен возможности экспериментировать, он вынужден нередко строить свою гипотезу на фактах, воссозданных косвенным путем, с помощью, например, историко-сравнительного и ретроспективного методов, применяемых особенно часто при изучении истории раннего общества. При всех пороках первого из этих методов нельзя не считаться и с положительным его значением²⁷. В некоторых случаях это единственный для историка способ построения исторической гипотезы. Напомним, что известные русские историки М. М. Ковалевский и И. В. Луцицкий построили свою плодотворную гипотезу о семейной общине, опираясь в значительной мере на историко-сравнительный метод²⁸.

Ретроспективный метод и метод переживаний находятся в неразрывной связи. Первый из них состоит в том, что историческое явление изучается в обратном действительному развитию порядке — от более поздних времен к более ранним. Ученый здесь, идя от известного к менее известному, спускаясь все глубже по ступеням истории, пытается проследить эволюцию изучаемого явления и установить исходную его природу. Исследователям, прибегающим к этому методу, приходится нередко использовать историческую традицию, выступающую чаще всего в форме реликтов, исторических пережитков. И это имеет свои основания, особенно для ранних этапов истории общества. Говоря о феодальной эпохе, Маркс писал, что «при том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производство отношения и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть решающую роль»²⁹. Но сам описанный метод очень сложен. Здесь от ученого требуется прежде всего тонкий ретроспективный анализ пережиточного факта, который состоит в том, чтобы правильно обнаружить взаимосвязанные ступени, идущие в глубь истории и приводящие к первичной форме. Не меньшие трудности представляет само определение пережиточного факта. Исследователя нередко подстерегает опасность смешения подлинного пережитка с новообразованием. Историческая наука знает немало случаев, когда пережиточное явление принималось как новообразование, и наоборот. Подобную неудачу потерпел, например, П. Г. Виноградов со своей построенной методом ретроспекции гипотезой о фригольдерах в Англии. Советский историк М. А. Барг показал, что английский фригольд является не пережитком, как это представил Виноградов, а новообразованием, возникшим в условиях развитого феодального общества³⁰. Можно привести пример и обратного порядка. В украинской дооктябрьской историографии продолжительное время господствовало мнение, что сябринное землевладение является новообразованием и не имеет никакой связи с общинными институтами. И. В. Луцицкий, используя исторические пережитки,

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 370.

²⁷ Подробно об этом методе см.: Э. С. Маркарян. Об основных принципах сравнительного изучения истории. «Вопросы истории», 1966, № 7.

²⁸ См. П. Ф. Лаптин. Проблемы общины в трудах М. М. Ковалевского. «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 112—114; его же. Проблемы общины в трудах И. В. Луцицкого. Сборник «Средние века». Вып. 23. 1963, стр. 221—223.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 356.

³⁰ См. М. А. Барг. Исследования по истории английского феодализма в XI—XIII вв. М. 1962, стр. 160—163, 186—227; его же. К вопросу о генезисе английского фригольда XIII в. Сборник «Средние века». Вып. XVIII. 1960.

реликтные явления, убедительно показал, что сябриство находится в генетической связи с ранними формами земельных отношений и является продуктом распада большой семьи³¹.

Обратимся теперь к вопросу о вероятности, достоверности, о критериях истинности исторической гипотезы. Этот вопрос представляется нам одним из наиболее сложных. В философском плане на этот счет высказаны, на наш взгляд, весьма реалистические соображения³². Разумеется, что в исторической науке имеются свои особенности. Как свидетельствует история науки, классовые позиции историков в значительной мере определяют реальность выдвигаемых ими исторических гипотез. Степень рациональности гипотетического мышления в исторической науке прямо зависит от того, на позициях какого класса стоит ученый. Наибольшая рациональность гипотезы у того исследователя, который выражает интересы наиболее прогрессивного класса своей эпохи, способного к наиболее объективному восприятию действительности. Не случайно французские историки эпохи Реставрации, когда буржуазия была еще восходящим классом, смогли выдвинуть смелую гипотетическую формулу о роли классовой борьбы в обществе. Однако позднее, с выходом на политическую арену пролетариата, буржуазная историография отказывается от этой формулы, верх постепенно берет явная фальсификация истории, связанная с протаскиванием идей «классового мира». К. Маркс и Ф. Энгельс, стоя на позициях пролетариата, не только подтвердили гипотезу классовой борьбы, но, опираясь на опыт всемирной истории, на глубокое исследование закономерностей капиталистического способа производства, обобщив первые уроки борьбы рабочего класса против буржуазии, показали, что классовая борьба неминуемо ведет к диктатуре пролетариата, создав гениальную научную теорию, подтвержденную всем ходом дальнейшего исторического развития. Не менее показательна история учения о государстве. Буржуазные историки, социологи, правоведы многие годы изучали этот вопрос, написали сотни увесистых монографий, однако не смогли пойти дальше иррациональных гипотез. В. И. Ленин писал, что это один из вопросов, «едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами»³³. И это объясняется отнюдь не бесталанностью буржуазных ученых, а политической остротой самой проблемы. Было бы, конечно, неверно отбрасывать проделанную буржуазными исследователями работу. Представители немарксистской историографии подняли большой фактический материал, обратили внимание на некоторые формы и функции государства, но в силу своих классовых позиций они оказались не в состоянии разрешить главный вопрос — о природе и сущности государства. Идеологи пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс уже в «Манифесте Коммунистической партии» раскрыли классовую природу государства, заложив основу теории, входящей сейчас составной частью в сокровищницу марксизма.

Решающее значение имеет соответствие главной идеи научной гипотезы теории диалектического и исторического материализма. При построении любых гипотез, касающихся как частных вопросов, так и общеметодологических проблем исторической науки, этот критерий является главным для каждого историка-марксиста. Материалистическая диалектика позволяет уже на начальной стадии исторического исследования определить истинность или ложность основного направления и главной задачи, избранных исследователем. Затем истинность гипотезы прове-

³¹ И. В. Лучицкий. Сябры и сябринное землевладение в Малороссии. «Северный вестник», 1882, № 2.

³² П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика, стр. 373—395; его же. Гипотеза и познание действительности, стр. 130; Е. А. Режабек. Указ. ссч., стр. 162—239; Л. Б. Баженов. Указ. соч., стр. 35.

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 64.

руется в ходе дальнейшего исследования, «на основании гигантской массы данных» (В. И. Ленин). Можно заведомо сказать, что, как бы ни была внешне привлекательна та или иная гипотеза, если она построена вразрез с принципами диалектического материализма, при проверке она неминуемо окажется ложной и бесплодной. Многократно обнаруживали свою несостоятельность исторические гипотезы, построенные, например, на базе идеи о «классовом мире» в обществе, разделенном на антагонистические классы. Немало неудач потерпели буржуазные историки и социологи, создавшие гипотезы на основе ложных представлений о «классовом сотрудничестве» в таком обществе. Вспомним в этой связи официально-охранительную литературу в России минувшего столетия, пропагандировавшую «мир и благоденствие» в отношениях между крестьянами и помещиками. А славянофильская идеализация русского села? А гипотетические построения идеологов правой социал-демократии о «примирении» пролетариата и буржуазии? А сколько гипотез фабрикуют сейчас буржуазные социологи о так называемом «народном капитализме»? Первые из этих антиисторических конструкций были отброшены самым ходом исторического развития и достижениями исторической науки. Последние опровергаются революционной практикой современного пролетариата, ведущего непрерывную борьбу с буржуазией за свое социальное и политическое освобождение, за социалистическое переустройство общества. Разумеется, выдвинутый нами тезис ни в коей мере не предполагает предвзятого, догматического подхода к исследованию общественных явлений³⁴. Диалектический и исторический материализм, являясь учением об общих законах развития природы и общества и будучи инструментом и методом познания, требует, чтобы исследователь учитывал разнообразие и дифференцированность исторического процесса. Марксистская философия не может дать рецепта, применимого ко всем случаям и вариантам, возникающим в истории общества. Она вооружает историка правильным методом, указывает магистральное направление в его творческих поисках, создавая самые благоприятные условия для проявления его личного таланта и творческой инициативы в конструировании плодотворных и подлинно научных гипотетических построений. «Материализм в истории, — писал В. И. Ленин, — никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории»³⁵.

В исторической науке путь перерастания гипотезы в теорию, в систему законов сложен и длителен и требует всестороннего исследования. К. Маркс еще в 40-х годах минувшего столетия выдвинул гипотезу об универсальности общины как определенного этапа в развитии человечества. В то время в исследовании этого вопроса делались лишь первые робкие шаги. В дальнейшем, с выходом работ Г. Маурера, эта гипотеза получила свое первое серьезное подтверждение. В письме к Ф. Энгельсу К. Маркс с удовлетворением писал: «Выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение»³⁶. Ф. Энгельс продолжил исследования, начатые К. Марксом. Работы Ф. Энгельса не только стояли на уровне современной ему науки, но своими выводами и научными обобщениями создавали перспективу на много лет вперед. Вопрос об универсальности общины, особенно после

³⁴ Подробную критику такого рода догматизма см.: П. Копнин, В. И. Ленин и материалистическая диалектика. Киев. 1969, стр. 114—122.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 144.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 32, стр. 36.

работ М. М. Ковалевского, Г. С. Мэна, Э. Лавеле, ставился Ф. Энгельсом уже не в форме гипотезы, но рассматривался как доказанная научкой теория. Интересно отметить, что если раньше Ф. Энгельс высказывался об универсальности общины очень осторожно, ограничиваясь лишь индоевропейскими народами, то позднее, особенно в последние годы своей жизни, он считал общину уже всемирно-историческим институтом, присущим «всем народам на известной ступени развития»³⁷. Приведенный пример показывает, как правильно избранная и научно разработанная историческая гипотеза в процессе исследования перерастает в научную теорию³⁸.

Для установления истинности исторической гипотезы главное состоит в том, чтобы в ходе исследования подтвердилась прежде всего ее главная идея. Важно, чтобы было доказано основное предположение, определяющее сущность гипотезы. Напомним, что гипотеза о материалистическом понимании истории была проверена К. Марксом на целостном анализе капиталистической формации. Причем, как подчеркивал В. И. Ленин, этот анализ был ограничен «одними производственными отношениями между членами общества». К. Маркс не прибегал «ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений»³⁹. Рациональность гипотезы сохраняется даже и в том случае, если отдельные ее стороны не находят подтверждения в ходе исторического исследования. Известны заслуги М. М. Ковалевского в исследовании семейной общины. Он показал наличие этого института почти у всех народов мира. Он обнаружил его у народов Западной Европы, у славян, у народов Кавказа, Индии, Африки, Америки. Выдвинутая им «большесемейная гипотеза» в ходе накопления материала претерпела в его собственных исследованиях значительные изменения. Некоторые предположения обнаружили свою несостоятельность и отпали, одновременно возникали новые тезисы и идеи. Однако основная посылка — об универсальности семейной общины и ее месте среди других форм общинных отношений — сохранила свое значение, поскольку она составляла плодотворную основу гипотезы Ковалевского. Именно это положение Ф. Энгельс оценил как большое научное открытие русского ученого⁴⁰. Дальнейшее исследование проблемы, особенно в трудах советских историков А. Д. Удальцова, А. И. Неусыхина, Ю. В. Бромлея, А. Я. Гуревича, М. Л. Абрамсон, А. Я. Шевеленко и других, внесло много коррективов в конструкцию М. М. Ковалевского⁴¹. Однако главные ее идеи подтвердились, благодаря чему указанная гипотеза превратилась ныне в признанную всеми научную теорию.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 438.

³⁸ Подробнее о практике исторического исследования как о методе установления истины в исторической науке см.: А. И. Данилов. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. Сборник «Средние века». Вып. 24. 1963, стр. 21—23.

³⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 138.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 61—62, 139—140.

⁴¹ См.: А. Д. Удальцов. Родовой строй у древних германцев. «Известия Государственной академии истории материальной культуры». Вып. 107. 1934; А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., стр. 76—85, 155—159, 233—234, 288—296, 318—327; его же. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—XI вв. (К вопросу о процессе поглощения остатков свободного крестьянства). Сборник «Средние века». Вып. IV. 1953; вып. V. 1954; его же. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XI вв. М. 1964, стр. 309 и сл.; А. Я. Гуревич. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростагинга). Сборник «Средние века». Вып. VIII. 1956; А. Я. Шевеленко. К вопросу об образовании класса крепостных крестьян в Шампани IX—X вв. «Из истории средневековой Европы X—XVII вв.». Сборник статей. М. 1957; М. Л. Абрамсон. Крестьянство в византийских областях Южной Италии. «Византийский временник». Т. VII. 1953; Ю. В. Бромлей. К вопросу о сохранении семейных общин в Далматинской Хорватии. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сборник статей. М. 1963.

Наиболее сложным является определение того момента, когда главная идея исторической гипотезы перестает быть проблематичной и становится доказанной истиной. Здесь возникает множество сложных и малоизученных вопросов. Где находится, например, та грань, за которой главная идея гипотезы превращается в теорию? Какой минимум фактов требуется для этого? Эти вопросы нуждаются в самостоятельном исследовании. Мы ограничимся их постановкой, высказав при этом некоторые соображения о возможных путях их решения. Вряд ли можно однозначно ответить на вопрос о минимуме фактов, необходимом для превращения исторической гипотезы в теорию. Объем этого минимума зависит от того, в какой мере гипотеза находится в соответствии с уже установленными наукой историческими закономерностями. Нам представляется, что «фактологический задел» потребует тем меньший, чем большим будет это соответствие. Например, мы мало знаем о классовой борьбе в раннефеодальной Европе, так как она скудно отражена в источниках. Наши сведения ограничиваются всего лишь несколькими известиями об открытых выступлениях крестьян Западной Европы в VI—IX вв. (например, восстания в Лиможе 579 г., Стеллинга 841—843 гг., в Майнцском епископстве 848 и 866 гг. и другие). Причем нам почти не известно о требованиях крестьян⁴². Спрашивается: можно ли на этих фактах построить научную гипотезу о неминувости классовой борьбы в эпоху становления западноевропейского феодализма? Руководствуясь марксистско-ленинским учением о неизбежности классовой борьбы в антагонистическом обществе, подтвердившимся всем ходом исторического развития, мы вправе выдвинуть подобную гипотезу. Правомочность такого предположения подкрепляется уже известными фактами массовых крестьянских движений на Востоке в аналогичных условиях генезиса феодализма (движение павликиан, иконоборчество в Византии, крупнейшие крестьянские восстания Муканны, Бабека, Кармата в странах арабского мира и многое другое). Очевидно, что подобного рода гипотезы, имеющие такую солидную теоретическую базу, могут перерасти в научную истину, опираясь на сравнительно меньшую фактическую основу. Нам представляется, что здесь мы имеем тот вариант, когда «гипотеза может превращаться в достоверное знание путем дедуктивного выведения ее из какого-либо общего положения, достоверность которого доказана»⁴³.

Обратимся теперь к последнему поднятому нами вопросу — о «про странственном пределе» гипотезы в истории. Эта проблема также связана со своеобразием развития исторической науки. Вплоть до середины XIX в. объектом исследования оставалась фактически одна Европа. Не только отдельные народы и страны, но и целые континенты не подвергались историческому исследованию. По существу, лишь в нашу эпоху расширение территориальных рамок исторических исследований превратило историю в подлинно «всемирную» науку. Не касаясь причин, обусловивших это обстоятельство, отметим лишь, что и в этих условиях она все же развивалась, утверждая научные истины, открывая законы. Основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс, создавая свое учение, не могли, естественно, опереться на «всемирные» материалы по той простой причине, что их тогда не было. Тем не менее их гипотезы получили в дальнейшем глобальное подтверждение. Следовательно, историческая гипотеза, относящаяся ко всемирно-историческому процессу, может быть сформулирована и на основе обобщения определенной суммы локальных и региональных фактов, но, разумеет-

⁴² А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.). «Из истории социально-политических идей». Сборник статей. М. 1955, стр. 114—121.

⁴³ П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика, стр. 385.

ся, таких, которые воплощают в себе и выражают основные тенденции всемирно-исторического развития. С территориальным расширением объекта исторических исследований, с включением в орбиту научного исследования новых стран и народов в установленные ранее научные истины постоянно вносятся определенные коррективы. Но если гипотеза правильно выражает основную тенденцию развития общества, эти коррективы будут выражать особенные и единичные формы всеобщего универсального процесса. Было время, например, когда античное рабство рассматривалось многими советскими историками как всемирно-исторический эталон перехода к феодализму. Однако с расширением территориальных горизонтов в исследовании проблемы, с включением новых регионов мира в объект изысканий этот тезис подвергся коренному пересмотру. Более того, некоторые историки считают, и не без оснований, что общей закономерностью является переход от первобытнообщинного строя к феодализму, а рабовладельческое «звено» составляет скорее всего исключение⁴⁴. «Отбрасывание» ранее принятых гипотез вовсе не говорит об их иррациональности, а лишь показывает, что они уже не отвечают новому уровню исторической науки и требуется иная гипотеза, полнее и глубже объясняющая исследуемое явление. В. И. Ленин писал: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»⁴⁵.

Мы коснулись лишь некоторых аспектов теории исторической гипотезы, попытались показать ее значение, особенности ее конструкции, обусловленные спецификой исторической науки. Историкам предстоит большая работа по разработке теории исторической гипотезы. Настоятельная необходимость этой работы диктуется всем ходом развития современной исторической науки.

⁴⁴ См. Л. С. Васильев, И. А. Стучевский. Три модели докапиталистических обществ. «Вопросы истории», 1966, № 5.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 18, стр. 102.